

Владимир Петков

ДИПЛОМАТЫ ПУСТЫННЫХ ГОРИЗОНТОВ

ДВЕ ЖИЗНИ

Из истории советской дипломатии

Вместо предисловия

Более двух десятков лет пылает Ближний Восток, и, до последнего времени, Россия выступала лишь в качестве стороннего созерцателя, бессильно наблюдая, как уничтожаются государства бывшие союзниками Кремля - Ирак, Ливия, Сирия. И вот словно громыхнула строчка из песни Высоцкого, - “Наконец-то нам дали приказ наступать, отбирать наши пяди и крохи” - Россия бросает меч на чашу весов противостояния в Сирии. Однако бомбардировки российских воздушно-космических сил не только успешно уничтожают террористов, но и вносят неизбежные коррективы в отношения Москвы с другими странами ближневосточного региона, которые имеют свои интересы в расколоте на части арабской республике. Интересы иногда диаметрально противоположные.

И, конечно, усилилась невидимая борьба на дипломатическом и тайном фронте.

В связи с этим хочется вспомнить как Россия, почти сто лет назад, начинала борьбу за влияние на Ближнем Востоке. Судьба двух человек всплывает в памяти. Два дипломата и разведчика, сделавшие чрезвычайно много для сближения России с мусульманским Востоком. В этих судьбах много общего, - оба оставили яркий след в истории нашей Республике - Узбекистане, оба погибли от рук НКВД. Есть, однако, и существенное отличие. Если судьбу одного можно назвать – дорога чести, то второго напротив - бесчестья. Первый это Карим Абдурауфович Хакимов, второй – Георгий Сергеевич Агабеков.

О них и пойдёт речь в этом очерке.

Часть первая “Красный Паша”

ч

Карим Абдрауфович Хакимов родился 28 ноября 1890 года в деревне Дюсян Илькульминской волости Белебеевского уезда Уфимской губернии. Он был четвёртым ребёнком в многодетном крестьянском семействе. Семья Хакимовых владела довольно большим, более трёх десятин, наделом земли и была достаточно обеспеченной, чтобы дать своим детям образование. С 1908 по 1911 год

Карим учится сначала в медресе в Оренбургской губернии, а затем в медресе “Галия” в Уфе. Здесь он в совершенстве овладел арабским языком, что предопределило его дальнейшую судьбу.

С ранних лет Карим познал тяжёлый физический труд – работал помощником мясника, дворником, рабочим-ремонтником на станции Челкар Ташкентской железной дороги. В 1911 году уезжает в Туркестан и несколько лет работает шахтёром на каменноугольных шахтах в городе Канибадам расположенный в юго-западной части Ферганской долины. Изнурительная работа не помешала юноше самостоятельно изучить гимназический курс и в 1916 году он уезжает в Томск где экстерном оканчивает 2-ю городскую мужскую гимназию.

Страсть к перемене мест забрасывает Карима в Оренбург, где он оказывается в гуще революционных событий весны 1917 года. Активный, харизматичный юноша быстро завоёвывает авторитет и делает стремительную карьеру. Член Оренбургского мусульманского военно-революционного комитета, губернский комиссар народного просвещения, командир 2-го батальона интернационального полка на Актюбинском участке Оренбургского фронта, начальник политотдела 1-й Отдельной Приволжской татарской стрелковой бригады.

Карим Хакимов(в центре). Оренбург 1918г.

В начале августа 1919 года был создан Туркестанский фронт, основной задачей которого был разгром Южной армии Колчака. 20 декабря 1919 года по политотделу Туркестанского фронта выходит Приказ за № 122. В нём говорилось: «Товарища Хакимова Карима, прибывшего из Оренбургского губернского исполнительного комитета, зачислить инструктором - инспектором инструкторского отделения». Однако через три месяца Хакимова вызывают в Ташкент, и он получает новую должность. Приказом Реввоенсовета Туркестанского фронта начальником Политического Управления назначен Валериан Куйбышев, а его помощником и начальником инструкторского - инспекторского отдела становится Хакимов.

Одной из главных задач командования Туркестанского фронта было строительство армии и привлечение в ее ряды коренного населения. В мае 1920 года был издан приказ о призыве в ряды Красной Армии местных мужчин в возрасте от 19 до 35 лет.

Выполнение этой задачи было поручено Хакимову.

Он начинает проводить массовую агитацию среди местного населения, целью которой являлось привлечение мусульман в Красную Армию, и уже в апреле 1920 года помощник начальника политуправления Туркфронта посылает телеграмму в политотдел Второй Стрелковой дивизии, где сообщает, - «вместо двух тюркских бригад, сформирована одна узбекская. Данная бригада направляется в подчинение Второй Туркестанской дивизии».

Спустя годы генеральный консул Российской Федерации в Иране Фёдор Аронович Ротштейн напишет о Кариме Абдурауфовиче: «Хакимов обладает незаурядными способностями находить общий язык с абсолютно любыми людьми и в любой ситуации. Он никогда не терял самообладания, как правило, именно он контролировал ход событий, а не его собеседник».

Именно эта способность, замеченная и высоко оценённая руководителями Туркфронта Михаилом Фрунзе и Валерианом Куйбышевым, явилось причиной нового назначения Карима Хакимова.

Представитель РСФСР в Бухаре К.А. Хакимов

В декабре 1920 года он становится полномочным представителем РСФСР в Бухарской народной республике.

Эта, недолго просуществовавшая, республика была провозглашена 8 октября 1920 года, после взятия Бухары войсками Фрунзе и бегства эмира. Её возглавил 24-летний Файзулла Ходжаев. Правительство новорожденного государства, так называемый Совет Назиров, было весьма неоднородным по своим политическим взглядам, что привело к резким разногласиям по вопросу отношений с Советской Россией. Перед представителем РСФСР была поставлена задача погасить эти трения и добиться как можно более тесного союза Бухары и советской России. В решении этой проблемы Хакимов показал себя весьма тонким дипломатом, прекрасно ориентирующимся в многонациональной среде.

Задача, в конце концов, была успешно решена и 4 марта 1921 между Россией и Бухарой были заключён союзный договор о дружбе и взаимопомощи.

Правда целый ряд высших руководителей Бухарской республики, таких как председатель ЦИК Усманхо-

джа Пулатходжаев, военный министр А. Арифов, командующий первой бухарской армией М. Кулмухамедов, не согласных с линией на сближение с Москвой, перешли на сторону басмачей.

27 октября 1924 Бухарская Народная Республика была упразднена, и территориально разделена между Узбекской, Таджикской и Туркменской социалистическими республиками в составе СССР. Но Карим Хакимов отношения к этому уже не имел - с конца 1921 года он полностью переходит в распоряжение Народного комиссариата по иностранным делам и направляется в Персию, в качестве генерального консула РСФСР.

Политическая обстановка в этом восточном государстве к началу 20-х годов была достаточно сложной, а отношение к Советской России более чем прохладным. Дело в том, что советское правительство, в очередной раз наступая на грабли экспорта мировой революции, предприняло попытку интервенции в Персию с целью создания там советской власти. Однако эта авантюра провалилась. Красным войскам противостояла самая боеспособная часть персидской армии – персидская казачья дивизия. Командовал дивизией полковник Императорской русской армии Всеволод Дмитриевич Старосельский, да и офицеры, служившие в этой дивизии, были в большинстве русскими.

В этой же дивизии служил и Реза хан Пехлеви, будущий шах Ирана. В 1921 году этот “иранский Наполеон”, поддержанный своими товарищами по оружию, с боями взял Тегеран и был провозглашён тогдашним шахом Ахмедом военным губернатором и главнокомандующим, став, по сути, единовластным правителем Персии.

Именно в это смутное время в Персию прибывает консул Хакимов. Задачи, стоящие перед консульством, были сложными, можно сказать практически невыполнимыми – установить контакт с различными политическими группами и наладить добрососедские, взаимовыгодные отношения между двумя странами, испорченные недалёковидной политикой Кремля. К тому же сближению двух государств яростно противодействовала британская дипломатия, пытающаяся вытеснить Россию из зоны Персидского залива.

Британские дипломаты, имея сильное влияние при дворе шаха делали всё, чтобы помешать установлению контактов Хакимова с правителем Персии. Однако, у представителя Советской России уже был успешный опыт дипломатической работы в Бухаре. Тонкий политик, умеющий находить подход к нужным собеседникам, он смог установить тесную связь с Реза-ханом. Результатом дипломатических усилий консула Хакимова явился заключённый между Тегераном и Москвой договор о дружбе. Он был ратифицирован 26 февраля 1922 года. Пункты 5 и 6 договора явились основанием ввода в Иран советских войск в 1941 году, что позволило устранить возможность сближения Ирана

и гитлеровской Германии. Кроме того, между Советской Россией и Ираном были достигнуты договорённости о полных и равных правах на судоходство в Каспийском море.

Реза-хан Пехлеви среди товарищей по дивизии

Победа российской дипломатии была безоговорочной.

Тем временем в Наркомате по иностранным делам, руководимым выдающимся дипломатом Георгием Чичериным, возникла необходимость наладить дипломатические отношения с арабским Ближним Востоком. Для этого в молодом государстве Аравийского полуострова Хиджазе предполагалось открыть консульство.

Вот, что писал по этому поводу Чичерин.

“Наш консул в Джидде будет в самом центре мусульманского мира, ибо все паломники там проходят, и таким образом очень многие совершающиеся в мусульманстве политические движения, которые теперь от нас ускользают, будут происходить перед глазами нашего консула. При нашей мусульманской политике нам, по-моему, необходимо иметь человека в самом центре мусульманского мира”.

На должность Генерального консула в Хиджаз назначается Карим Хакимов.

И вновь слово Чичерину.

“Решение о вступлении в дипломатические сношения с Хиджазом было принято авторитетнейшим учреждением еще в бытность мою в Лозанне... В Хиджазе СССР, также как все другие государства, будет иметь генерального консула, а Хиджаз будет иметь в Москве посланника... Для нас в высшей степени важно попасть в Мекку. Мы именно потому назначаем генеральным консулом мусульманина, чтобы он мог находиться в Мекке. Между тем, кроме т. Хакимова, других подходящих мусульман не оказалось, хотя мы искали очень долго”.

В июле 1924 года Хакимов во главе советской миссии прибывает в Джидду, где в то время находились иностранные консульства, и 9 августа вручает верительные грамоты королю Хиджаза Хусейну бен Али аль-Хашими.

Это событие привело в ярость Великобританию, поскольку открытие первого дипломатического представительства СССР в арабских странах произошло на фоне отказа короля Хусейна подписать договор с Англией.

В декабре 1925 года, “арабский Бисмарк”, Абдул-Азиз ибн Сауд взял Мекку и провозгласил себя королём Хиджаза и Неджды (забегая вперёд скажу, что в сентябре 1932 года король Абдул-Азиз, объединив практически весь Аравийский полуостров, провозгласил новое государство - Саудовская Аравия, и стал его первым правителем).

Необходимо было налаживать контакт с новым королём, и Хакимов делает великолепный, выверенный ход.

16 февраля 1926 года генеральный консул Советского Союза, облачённый в национальную одежду бедуинов выехал на автомобиле с советским флагом на капоте, рискуя жизнью проехал через охваченную войной пустыню до резиденции Ибн Сауда и вручил ему послание Кремля. В нём говорилось: "Правительство СССР, исходя из принципа самоопределения народов... признает Вас королем Хиджаза, султаном Неджда и присоединенных областей. В силу этого Советское правительство считает себя в состоянии нормальных дипломатических отношений с Правительством Вашего Величества". Советский Союз, таким образом, стал первым государством, признавшим нового короля Аравии. Ибн Сауд благосклонно отнёсся посланию Москвы и в ответной ноте выразил "полную готовность к отношениям с правительством СССР и его гражданами, какие присущи дружественным державам".

“Советский Лоуренс Аравийский” - Карим Хакимов

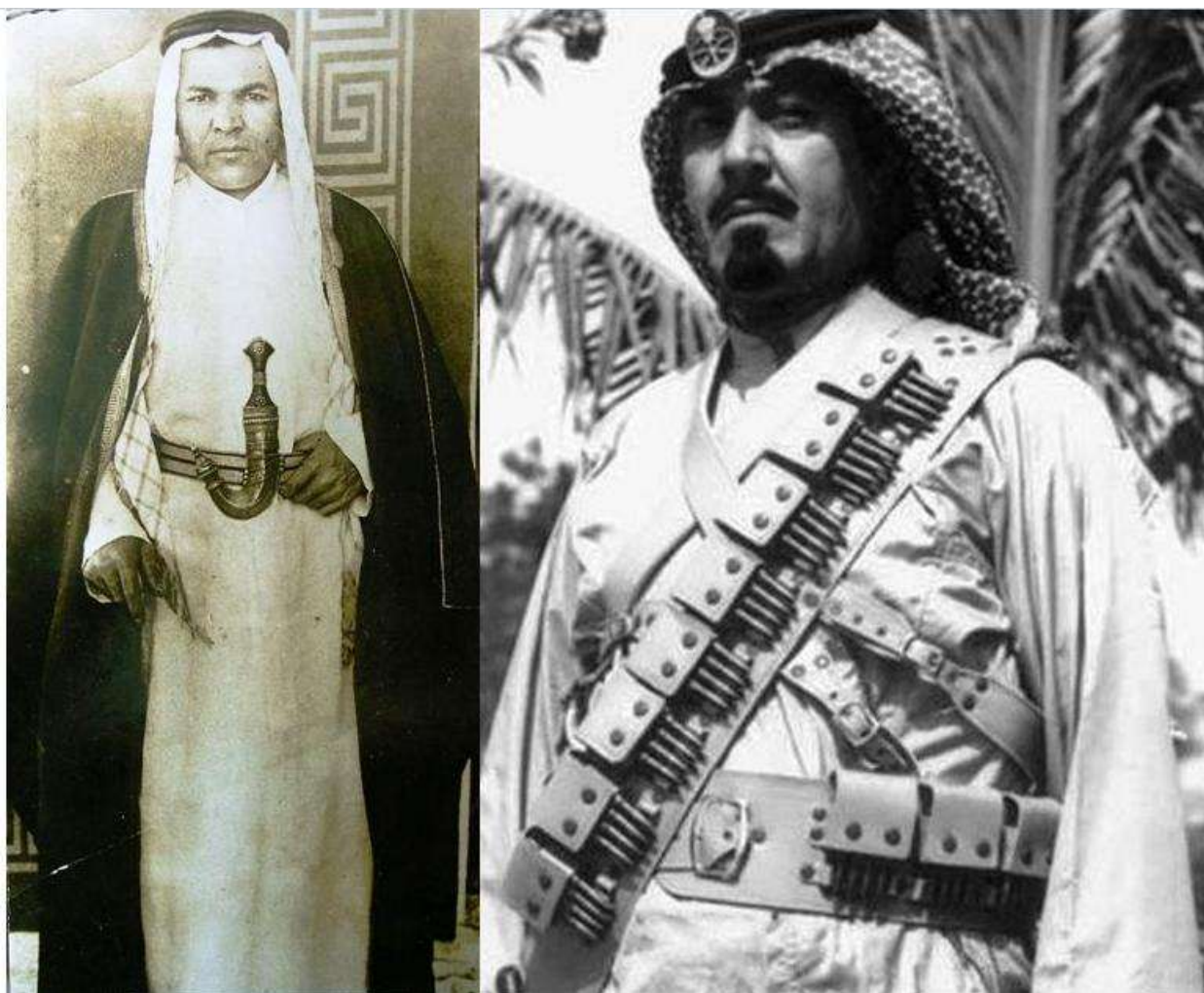
Чичерин в письме Хакимову от 19 июля 1925 года высоко оценил его действия, - "Столь удачно организованная и проведенная Вами поездка в Мекку, значительно обогатила нашу информацию о действительном положении Ибн Сауда и его намерениях. С точки зрения установления некоторого контакта с Саудом эта поездка также дала хороший результат" – пишет он Хакимову, и далее: "Перспективы арабско-турецкого сотрудничества нас очень интересуют, и нам очень хотелось бы получать от Вас возможно более полную информацию по этому вопросу". Очевидно – Хакимов занимался

не только дипломатической, но и разведывательной деятельностью. Впрочем, любой дипломат, как правило, ещё и разведчик.

Хакимов проработал в Хиджазе четыре года. За это время он добился выдающихся результатов. Совершив умру (малый хадж) в Мекку, проявив глубокие познания в исламском богословии, он завоевывает огромное уважение у аравийской элиты, и, став личным другом короля Абдуль Азиза, добивается того, что государство саудитов становится стратегическим партнёром Советского Союза. Из Одессы потянулись на Аравийский полуостров морские караваны, везя товары из СССР: мука, сахар, текстиль, керосин (как смешно это сейчас не звучит). До сих пор мука высшего сорта называется в Аравии “москоби”, то есть московская.

Немаловажно и то, что работу Хакимова в Хиджазе высоко оценили и враги. Вот, что писала газета “Таймс” в статье “Интриги красных в Аравии” от 9 июля 1928 года.

“В Хиджазе большевики учредили дипломатические миссии. Их генеральный консул Карим Хакимов отличается особенной ловкостью. Он вступил в сношения с недовольными элементами в целом ряде магометанских стран и деятельность его распространяется не только на бассейн Красного моря, но и на Голландскую Индию (*Индонезия, прим В.Ф.*). По его совету были организованы паромные рейсы для паломников в Джидду. Каждый год “плавучие советские выставки” в Красном море и Персидском заливе рекламируют достижения советской государственной промышленности”.

Генеральный консул Карим Хакимов и Абдуль Азиз иб Сауд

Во время пребывания Карима Абдурауфовича на посту генерального консула, в Хиджазе, происходит личная трагедия. От малярии при отсутствии медицинской помощи умирает его пятилетний сын — Шамиль.

В семье дочери Хакимова, Флоры существует предание, что король Абдуль Азиз выделил специального человека, чтобы тот присматривал за его могилой даже после отъезда семьи консула в СССР.

В сентябре 1928 года Хакимов был отозван на родину, а в Джидду прибыл новый генеральный консул, уроженец Коканда – Назир Тюракулов. О судьбе этого выдающегося дипломата, публициста,

филолога мы расскажем отдельно. А Карим Хакимов возвращается на Ближний Восток в новом качестве – генеральный представитель Ближвостгосторга СССР в Йеменском Королевстве.

Карим Хакимов с женой Хадичей и сыном Шамилем

В Йемен Хакимов приехал с личным посланием председателя ЦИК СССР Михаила Калинина имаму-королю Яхье бен Мухаммеду Хамидаддину. В нём сообщалось о ратификации Советским Союзом Советско-Йеменского договора о дружбе и торговле и готовности советского правительства "содействовать развитию и укреплению дружественных связей, установленных этим договором". Далее в письме следовало: "Доставивший Вам это письмо гражданин Карим Хакимов пользуется нашим полным доверием, и я прошу иметь полную веру в то, что он будет иметь честь излагать от имени Правительства Союза Советских Социалистических Республик. Рекомендую его Вам, надеюсь, что он будет пользоваться полной благосклонностью Вашего Величества".

В июне 1929 года Хакимов в сопровождении миссии прибыл в крупнейший порт Йемена, город Ходейда. По этому случаю был дан прием, на котором присутствовали представители политических и коммерческих кругов города. Сохранилось описание участия Хакимова на этом мероприятии.

"Во время приема К.А. Хакимов удивил всех знанием иностранных языков: он прекрасно говорил на арабском, турецком, персидском и французском языках, свободно переходя с одного на другой. Вежливый, тактичный, сочетая юмор с деловым разговором, полномочный представитель СССР манерой держаться способствовал возникновению симпатий к советскому государству и советским людям". И так же как в Хиджазе советский представитель приложил немало усилий для возникновения доверия между Йеменом и СССР. То, что доверие возникло, свидетельствует история, произошедшая в 1929 году.

Летом того года в Йемен приехала киноэкспедиция во главе с известным режиссёром-документалистом и путешественником Владимиром Шнейдеровым (многие его помнят как первого ведущего "Клуба путешественников" на центральном телевидении). Привожу поразительный документ - письмо Хакимова в общество «Межрабпом-фильм»

“В правление акционерного общества «Межрабпом-фильм» - Москва и «Прометеус»- Берлин.

Во время пребывания вашей экспедиции, в составе режиссера тов. В.А. Шнейдерова и оператора тов. И.М. Толчана, в Йемене, ко мне обратился Его Высочество принц Сейф-уль-Ислам Мохаммед - губернатор области Тихамы (сын короля Йемена), с просьбой об использовании тт. Шнейдерова и Толчана для электрификации его дворца в г. Ходейде, считая их (Шнейдерова и Толчана) вполне квалифицированными "инженерами", поскольку они являются киноработниками.

Считая выполнение этой работы задачей большой политической важности в связи с своеобразной политической ситуацией Йемена, я обратился с предложением к т.Шнейдерову, как руководителю экспедиции, о выполнении указанной работы в свободное от их прямых обязанностей по съемке время. Тем более это необходимо было сделать в связи с рядом фактов содействия со стороны Его Высочества киноэкспедиции.

При этом следует отметить, что к динамо, ввиду разности числа оборотов, пришлось приспособить шкив от водокачки, всю проводку сделать, за отсутствием изоляторов, на гвоздях, обвитых шелковыми нитками (применяемыми принцессой для рукоделия) в виде изоляции.

Вместо изоляционной ленты применялся медицинский липкий пластырь и т.д.

Патроны были также сделаны заново, ввиду их отсутствия. Все же установка была произведена, отрегулирована, пущена в ход и регулярно работала во все время ее эксплуатации.

По окончании работы, в связи с получением разрешения на въезд в горы, экспедиция выехала в Санаа.

Окончив работу в горном районе в Санаа и вернувшись в Ходейду, экспедиция снова столкнулась с фактом необходимости дальнейших работ по электроустановкам, так как Его Высочество за время нахождения тт. Шнейдерова и Толчана в Санаа выписал новую, более мощную электроустановку и снова обратился с просьбой о выполнении работ, мотивируя это тем, что инженерам других национальностей, кроме русской, он не доверяет.

Пришлось снова просить тт. о выполнении этой, уже значительно более сложной работы.

До прихода в Ходейду (то есть в течение 18 дней непрерывной работы), в условиях тропической жары, эпидемических и иных заболеваний, при отсутствии почти всякого элементарного инструмента, мастерской и нужной технической рабочей силы, тт. Шнейдеров и Толчан произвели всю установку фундамента, мотора, динамо, проводку более чем в 30 комнатах и помещениях дворца, установка вентиляторов и пр., полностью электрифицировав дворец. Установка была пущена в ход и несколько раз ремонтировалась и регулировалась снова, в связи с актами вредительства некоторых лиц, заинтересованных в дискредитировании советских работников. Несмотря на те факты вредительства, удалось установить виновных в техническом выполнении, последних соответственно устранить, а установку привести в нормальное состояние.

Установка работает регулярно и без перебоев, несмотря даже на отсутствие надлежащего подготовленного техперсонала для ухода за ней.

Установка является первой электроустановкой в Ходейде и факт выполнения её руками советских работников имеет огромное политическое значение.

Сообщая о вышеизложенном, выражаю глубокую благодарность тт. Шнейдерову и Толчану и подчеркиваю, что выполненная ими работа еще более укрепила наши дружеские отношения с правительством Йемена и наместником Тихамы Е.В. принцем Сейф-уль-Ислам Мохаммедом.

г. Лодейда 1929 г.

Уполномоченный Б.В.Г.Т. К.Хакимов

В Йемене Карим Абдурауфович проработал чуть больше двух лет - до декабря 1931 года. За этот небольшой срок им была проделана большая работа для укрепления и развития советско-йеменских отношений, совмещая обязанности торгового и дипломатического представителя Советского Союза в Йеменском Королевстве.

В 1932 году он возвращается в Москву, став к этому времени крупнейшим специалистом Наркомата иностранных дел по странам Ближнего Востока.

Но, несмотря на это он продолжает совершенствовать свои знания и поступает в институт красной профессуры, который успешно оканчивает в 1935 году.

Но за три года до этого, произошло событие резко изменившее отношение Саудовской Аравии к Советскому Союзу.

В мае 1932 года в Москву, для встречи с главой советского государства Сталиным прибыл наследный принц Саудовского королевства – Фейсал бин Абдель Азиз ас-Сауд. Цель визита была получение кредита на миллион фунтов стерлингов сроком на 10 лет. Взамен Советскому Союзу предоставлялась концессия на разработку всех нефтяных месторождений на территории королевства. Перед визитом принц потребовал, чтобы в поездке по стране Советов его сопровождал Карим Хакимов и никто иной.

Принц Фейсал в Москве в сопровождении Карима Хакимова

Визит, к сожалению, потерпел неудачу: Сталин несколько раз переносил аудиенцию, а затем и вовсе отказался встречаться с принцем. Посланника Саудовской Аравии принял в Кремле Михаил Калинин. Приём был чисто формальным, в кредите было отказано. Фейсал вернулся на родину оскорблённым до глубины души, тем не менее, отношение его к Хакимову осталось неизменным.

В 1933 году король Абдель Азиз ас-Сауд предоставил американским нефтяным компаниям концессию на разведку и добычу нефти. Отношения с Советским Союзом стали прохладными, а в 1938 году на территории королевства были открыты гигантские запасы чёрного золота.

Что тут было - слепота советского правительства? Неумение просчитать выгоду, как политическую, так и экономическую? Ещё один аргумент в пользу сомнения о “гениальности” товарища Сталина.

А Хакимов в 1935 году возвращается в Саудовскую Аравию полномочным представителем. Встреча в Эр-Рияде, ставшем столицей королевства, была очень теплой, и советский посол пытается вновь вернуть доверие, потерянное во время визита принца Фейсала. Его надеждам, увы, не суждено было сбыться. Осенью 1937 года Хакимов получает депешу с требованием о немедленном возвращении.

Король Абдель Азиз ибн Сауд, будучи уверен, что “Красный Паша” – так почтительно называли посла СССР на Ближнем Востоке - будет подвергнут репрессиям, предложил ему политическое убежище. Но Хакимов не внял совету друга.

«Отец дал с границы телеграмму, и мы поехали встречать его на вокзал. Но не встретили. Прошло несколько дней, я вернулась из школы, смотрю: дверь в комнату оклеена белой бумагой.

Отца больше никогда не видела», — вспоминала о тех трагических днях дочь дипломата Флора Хакимова.

Карим Хакимов был обвинён в связях с английской разведкой и 10 января 1938 года расстрелян на печально известном полигоне “Коммунарка” под Москвой. Вместе с ним был казнён и его преемник Назир Тюрякулов.

Памятная доска на полигоне “Коммунарка”

Супруга Хакимова, Хадича, также была репрессирована как член семьи врага народа и отбыла 8 лет заключения в КАРЛАГе для членов семей репрессированных, так называемом АЛЖИРе.

Когда известие о казни Хакимова дошла до Эр-Рияда, король приказал разорвать дипломатические отношения с Советским Союзом.

В 1943 году, когда в Египте было открыто посольство СССР, Абдуль Азиз направил в Каир своего советника Абдуллу, чтобы тот выяснил подробности гибели “Красного Пашы” и Назира Тюрякулова.

Причудливое переплетение судеб - «Советник Абдулла» это британский агент при дворе короля в Эр-Рияде и отец знаменитого советского разведчика Гарольда Адриана Рассела «Кима» Филби.

Таким образом в результате недальновидной политики Кремля Советский Союз навсегда потерял важнейшего стратегического партнёра на Ближнем Востоке. Дипломатические отношения с Саудовской Аравией были возобновлены только после распада СССР, в 1992 году.

В конце января 1956 года Карим Абдурауфович Хакимов решением коллегии Верховного Суда СССР был полностью реабилитирован и ... предан забвению вплоть до 90-х годов.

В 1990 году посол СССР в Йеменской Арабской Республике В. В. Попов, характеризуя работу Хакимова в Аравии, писал: «То, что сделал этот человек как дипломат, как представитель нашей страны, трудно переоценить. Именно в результате в значительной степени его личного вклада был заложен фундамент отношений молодого советского государства с арабским миром... Благодаря глубокому знанию истории, традиций, обычаев арабов, необычайному такту, умению расположить к себе людей, Хакимов пользовался у йеменцев и саудовцев огромным уважением...

Арабским он владел превосходно, даже арабы поражались его умению столь глубоко, витиевато и чисто „по-арабски“ излагать мысли. Читать написанные его рукой документы - одно наслаждение: так грамотно, так профессионально они написаны и такой сочный, выразительный язык. Он был вхож во дворцы, и его с радостью встречали бедняки в своих лачугах, его дом всегда был полон гостей — приходили и купцы, и приближённые королевской семьи, и простой люд».

Имя Карима Хакимова постепенно выходит из забвения.

На его родине создан музей и установлен Бюст.

В городах Уфа и Оренбург есть улицы имени Карима Хакимова.

Бюст К. А. Хакимова в селе Дюсяново

Но, думаю, великая и трагическая судьба дипломата, разведчика, истинного сына России Карима Абдурауфовича Хакимова ещё ждёт своего воплощения в книгах, пьесах и фильмах.

Часть вторая Дорога бесчестья

Их жизненные пути наверняка пересекались. В начале двадцатых годов прошлого века Карим Хакимов был представителем Советской России в Бухаре, а Георгий Агабеков в это же время являлся начальником разведки штаба армии Бухарской Народной Республики. Не встретиться там они просто не могли. Возможно, встречались и раньше, воюя на Туркестанском фронте, а возможно и позже, когда оба работали в странах Ближнего Востока. В мемуарах Агабекова упоминается имя “Красного Пашы”, правда, ничего не сказано о личных встречах.

Кто же он такой Агабеков Георгий Сергеевич, советский разведчик, ставший первым перебежчиком - чекистом, сбежавшим на Запад?

Настоящая фамилия этого человека – Арутюнов. Родился он в 1895 в Ашхабаде, в семье кузнеца. О ранних годах будущего разведчика, практически ничего неизвестно. Перед Первой мировой войной окончил Ташкентскую мужскую гимназию, а с началом военных действий был призван в действующую армию. До 1916 года Агабеков сражается с немцами, а затем возвращается в Ташкент

для обучения солдат в Школе прапорщиков. В марте 1917 года, после окончания школы, возвращается на фронт в качестве командира взвода. Отличное знание турецкого языка позволило ему занять должность переводчика при штабе полка на Румынском фронте. Октябрьскую революцию Агабеков принимает сразу, и с марта 1918 года сражается уже в рядах Красной Армии.

В 1920 году вступает в партию и направляется на работу в Екатеринбург, в местное отделение Чрезвычайной Комиссии. С этого, собственно и начинается его биография как чекиста и разведчика. В Екатеринбургской ЧК он занимает должность помощника уполномоченного по борьбе с контрреволюцией и ведает секретной агентурой. Очень скоро его направляют в Бухару. Очевидно, сыграло роль знание Агабековым нескольких восточных языков. Официально его должность называлась - начальник разведки штаба армии Бухарской народной республики. Неофициально же он являлся резидентом нелегальной агентуры ЧК. Для того, чтобы получать нужную информацию из аппарата правительства Бухарской республики, - Совета Назиров, нужно было внедрить туда своего агента. Агабекову удалось завербовать невесту адъютанта военного министерства республики Софью Кацман. Приём вербовки известный – подкуп и шантаж. От неё резиденту ЧК удалось получить важнейшую информацию о готовящемся антисоветском перевороте в правительстве.

Это была не последняя операция, успешно проведённая в то время Агабековым. В 1921 году он принимает самое непосредственное участие в ликвидации Энвер-паши, самого опасного руководителя басмаческого движения в Туркестане.

Энвер паша, до того как попасть в Среднюю Азию, прошёл большой путь военного и политического деятеля Османской Империи. Активный участник “младотурецкой” революции 1908 года, военный министр, идеолог пантюркизма и панисламизма, он являлся одним из главных организаторов геноцида армян, греков и ассирийцев в Османской империи.

Энвер-паша

В 1919 году Энвер паша оказывается в Германии, где близко сходитя с представителем большевиков Карлом Радеком, через которого предлагает свои услуги для организации в Туркестане борьбы против Англии. В Кремле заинтересовались и в начале 1920 года Энвер приезжает в Москву, чтобы присоединиться к Обществу Единства Революции с Исламом (было и такое). Эта организация была создана большевиками для защиты интересов Советской России в Средней Азии и на Кавказе. В Средней Азии, к тому времени подняли голову басмачи, выступавшие против советской власти. Одним из центров басмаческого движения была как раз территория Бухарской Народной Республики. Энвер с самого начала вёл двойную игру, интересы Советской России волновали его меньше всего. Перебравшись в 1921 году в Бухару, он, через некоторое время, возглавил борьбу повстанцев с большевиками.

Перед командованием Красной армии, воевавшей против басмачей, встал вопрос любой ценой уничтожить Энвер пашу, ставшего знаменем сопротивления советской власти. Задача труднейшая — как отыскать его в горах и пустынях Восточной Бухары, где все население помогало ему и ненавидело новую власть.

Вот эта задача и была поставлена перед начальником разведки штаба республики Георгием Агабековым.

Переодевшись мелкими торговцами, Агабеков с ещё одним сотрудником военной разведки проникли в район, где предположительно находился отряд Энвера. Это был кишлак Бальджуан, расположенный в двухстах километрах от Душанбе. Убедившись, что враг находится именно там, вызвали войска.

Что произошло в дальнейшем можно узнать из рапорта командира дивизиона, участвовавшего в ликвидации Энвера в штаб 13-го корпуса: "Приняв тщательные меры предосторожности, дивизион направился по указанному направлению. Недалеко от кишлака, где был расположен штаб противника, мною был выделен один эскадрон и послан в обход, чтобы отрезать путь на случай отступления противника. В пять часов утра дивизион пошел в атаку, но был встречен оружейным огнем противника. Нашим пулеметным огнем противник был сбит с позиций и беспорядочно бежал.

Штаб басмачей во главе с Энвер-пашой бросился в горы, но наткнувшись на эскадрон, посланный в обход, принял бой. В результате боя штаб противника уничтожен. Успели спастись только трое. 28 трупов остались на месте боя. Среди них опознан и Энвер-паша. Ударом шашки у него снесена голова и часть туловища. Рядом с ним был найден Коран".

Есть предположение, что в осуществлении этой операции Агабеков использовал помощь террористической армянской организации дашнаков, приговоривших Энвер-пашу и его ближайшее окружение к смертной казни за убийства армян. Думаю, что национальные мотивы сыграли не последнюю роль в ликвидации врага армянского народа.

Акоп Мелкумов

Человека, зарубившего Энвера звали Акоп Мелкумов. Как и Агабеков он был уроженец Ашхабада, и за эту операцию получил орден Красного Знамени — что, впрочем, не помешало его аресту в 1937 году.

Но вернёмся к нашему герою.

После блестяще проведённой операции по ликвидации Энвера, Агабекова отзывают из Бухары в Ташкент и назначают начальником отделения по борьбе со шпионажем и контрабандой Государственного политического управления (ГПУ) в Ташкенте.

За время работы в городе, Агабеков создал агентурную сеть, состоящую почти из пятидесяти агентов, занимающих разное социальное положение: от чистильщиков обуви до секретарей иностранных представительств. Благодаря информации, полученной от своих секретных осведомителей, Агабекову удалось провести несколько успешных операций. В частности, была перехвачена крупная партия – более пятисот килограмм – опиума. Были операции и чисто разведывательного характера. Одна из них – похищение шифров из афганского консульства. Вот как это было.

Начальником контрразведки ГПУ по Туркестанскому краю Владимиром Андреевичем Стырне - впоследствии активным участником знаменитой операции “Трест” - была поставлена задача получить доступ к секретной переписке афганского консульства. Получив доступ к этим документам, можно было выведывать планы англичан, которые тесно работали с афганцами.

В.А. Стырне

Для решения этой задачи Агабековым было принято решение завербовать самого консула. Он всегда предпочитал самые простые решения. После недолгого обхаживания, используя древние как мир средства – вино и женщин, консул согласился сотрудничать с ГПУ. Но, запросил слишком много – десять тысяч рублей золотом и политическое убежище в случае разоблачения.

Добро на это руководство не дало, и тогда, дав понять консулу, что вопрос на согласовании, решили тайно проникнуть в афганское представительство и скопировать шифры и переписку.

Для этого в один из дней была устроена вечеринка, куда был приглашён консул. Вино лилось рекой, а очаровательная блондинка (машинистка ГПУ) ни на шаг не отходила от очарованного афганца. Вскоре тот заснул от подсыпанного в вино снотворного и ключи от всех комнат и сейфа оказались в руках Агабекова.

Он точно знал, что в консульстве никого нет. Курьеры разъехались, а секретарь ушёл к своей любовнице, с которой была проведена предварительная беседа, чтобы до утра любовник никуда не отлучался.

Агабеков вместе с фотографом свободно проникли в здание и без помех пересняли переписку и шифры.

Вскоре после этого Георгий Сергеич переводится в Москву, где проходит спецобучение в лаборатории ОГПУ. Здесь он научился незаметно вскрывать конверты, пользоваться специальными чернилами и многому другому, необходимому в профессии тайного агента. Приобретя эти специфические навыки, Агабеков в составе советского посольства отправляется в Кабул. Официальный пост был незначителен - помощник заведующего бюро печати. В действительности же он возглавил секретную советскую агентуру ОГПУ в Афганистане под оперативным псевдонимом “Петр”.

Агабеков был первым резидентом, который начал вести разведывательную работу в Афганистане. Работа была привычная, и в короткий срок он создаёт там разветвленную агентуру ОГПУ. Достаточно сказать, что дворец бежавшего из Бухары Эмира Сеида Алимхана в Кабуле был буквально нашпигован советскими агентами, поставлявшими информацию советскому резиденту.

Успешная работа Агабекова была высоко оценена руководством и в конце 1926 года он получает новое назначение - резидент Иностранного отдела (ИНО) ОГПУ в Тегеране. И здесь та же задача

– создание широко разветвлённой агентурной сети. Кроме этого Агабеков занимается возвращением беженцев из Афганистана и Персии в СССР. А ещё вплотную работает с вождями курдских и белуджских племен, где подкупом, где лестью и посулами переманивает их на сторону Советского Союза, предполагая скорую войну с Англией.

Здесь, как и в Ташкенте, с помощью своих агентов ему удалось раздобыть шифры и корреспонденцию иностранных посольств в Тегеране.

Через несколько лет, сбежав на Запад, Агабеков давал показания представителям западных спецслужб. Глава бельгийской разведки барон Ферхюльст не поверил советскому перебежчику, что вся бельгийская дипломатическая почта в Тегеране была открытой книгой для советской разведки. Тогда Агабеков предложил эксперимент. Взяв запечатанный и прошитый конверт, он удалился в соседнюю комнату и через полчаса, выйдя оттуда, точно пересказал его содержание.

Это вызвало шок у представителей английской Интеллидженс Сервис. Получалось, что Москва читала всю секретную переписку англичан.

По показаниям Агабекова его люди вскрывали каждый день свыше пятисот документов, не предназначенных для чужих глаз.

Фортуна благоволит Георгию Сергеевичу, в 1928 году мы видим его уже в Москве в должности начальника восточного сектора ИНО ОГПУ. Весьма высокий ранг свидетельствует о полном доверии Агабекову со стороны высшего руководства.

Возможно, он ещё долго пребывал бы в этом качестве, спокойно и безопасно проживая в Москве, но у советской разведки случилась накладка в Стамбуле и это событие резко изменила судьбу Георгия Сергеевича.

Что же произошло? Советскую разведку в Турции возглавлял Эфраим Гольденштейн, из-за своего медицинского образования имевший агентурный псевдоним “Доктор” (в 1911 году окончил медицинский факультет Венского университета). Ему удалось создать обширную агентурную сеть не только в Турции, но также в Палестине и других арабских странах. В 1926 году “Доктора” переводят в Берлин, откуда курировать разведсеть было малоэффективно, и руководство решило направить в Стамбул Якова Блюмкина.

Я.Г. Блюмкин

Личность легендарная. В 1918 году находясь в должности начальника «германского» отдела ВЧК, левый эсер Блюмкин 6 июля явился в посольство Германии якобы для обсуждения судьбы дальнего родственника посла графа фон Мирбаха, которого арестовала ЧК. Его сопровождал сотрудник того же отдела ЧК, однопартиец Николай Андреев. Около трёх часов пополудни Блюмкин несколько раз выстрелил в посла, а Андреев, убегая, кинул в гостиную две бомбы. Посол погиб на месте. Убийство Мирбаха послужило сигналом для вооружённого выступления левых эсеров против большевиков. В советской историографии эти события было принято называть мятежом. Как говорится, мятеж никогда не бывает удачным – удачный мятеж называют иначе. После подавления восстания Блюмкин под фамилией Белов скрывался в больницах Москвы, Рыбинска и Кимр, затем под именем Григория Вишневого работал в Кимринском комиссариате земледелия. С сентября 1918 года мы видим Блюмкина на Украине. В ноябре того же года, в момент всеобщего восстания против украинского гетмана Павла Скоропадского и австро-немецких оккупантов, Блюмкин находит своих партийных

товарищей в Киеве и включается в эсеровскую подпольную работу. Он участвует в подготовке террористического акта против гетмана Скоропадского и покушении на фельдмаршала немецких оккупационных войск на Украине Эйхгорна. По заданию ВЦИК (вместе с украинскими анархистами-махновцами) был задействован в подготовке покушения на Верховного правителя России, лидера белогвардейского движения адмирала Колчака. Необходимость в этом отпала из-за ареста Колчака левыми эсерами в Иркутске.

В марте 1919 года близ Кременчуга попал в плен к петлюровцам, которые жестоко избили его, в частности, выбили передние зубы. После месячного лечения в апреле 1919 года Блюмкин явился с повинной в ВЧК в Киеве. За убийство Мирбаха был приговорён военным трибуналом к расстрелу. Но, во многом благодаря наркомвоенмору Льву Троцкому Особая следственная комиссия, по согласованию с Президиумом ВЦИК и с одобрения председателя ВЧК Феликса Дзержинского, приняла решение об амнистии Блюмкина, заменив смертную казнь на «искупление вины в боях по защите революции». Способствовало принятию этого решения и то, что он выдал многих своих прежних товарищей, за что был приговорён левыми эсерами к смерти. На Блюмкина совершили 3 покушения, он был тяжело ранен, но сумел скрыться из Киева.

В 1920 году вступил в компартию. Направлен Троцким на учёбу в Академию Генерального штаба РККА на восточное отделение, где готовили работников посольств и агентуру разведки. В Академии Блюмкин к знанию иврита добавил знание турецкого, арабского, китайского и монгольского языков, обширные военные, экономические и политические знания.

Осенью 1921 года Блюмкин занимается расследованием хищений в Гохране. В октябре 1921 года он под псевдонимом Исаев (фамилия его деде) едет в Ревель (Таллин) под видом ювелира и, выступая в качестве провокатора, выявляет заграничные связи работников Гохрана. Есть версия, что именно этот эпизод в деятельности Блюмкина был положен Юлианом Семёновым в основу сюжета книги «Бриллианты для диктатуры пролетариата». Таким образом Блюмкин стал одним из прототипов Штирлица. Вот таким был этот человек, скорее авантюрист, чем революционер.

В Турции Блюмкин должен был продолжить дело Гольденштейна - создавать агентуру в Египте, Сирии и других странах Ближнего Востока. Для выполнения этой задачи начальник иностранного отдела Михаил Абрамович Трилиссер наделил нового резидента широчайшими полномочиями. С миссией Блюмкин успешно справился. Меняя личины (то он набожный владелец прачечной в Яффо, то азербайджанский купец), он вербует агентов и накрывает агентурной сетью Турцию и страны арабского мира. Интересный факт: в Палестине Блюмкин знакомится и привлекает к разведывательной работе Леопольда Теппера, будущего руководителя знаменитой «Красной капеллы» - группы советских разведчиков в нацистской Германии.

Несмотря на опалу и изгнание Троцкого, Блюмкин продолжает переписку со своим покровителем, даже тайно встречается с ним и осенью 1929 года рискует привезти в Москву письмо от злейшего врага Сталина, адресованное Карлу Радеку. Перетрусивший Радек тут же сдал Блюмкина. Сталин многое мог простить, но троцкизм - никогда. Резидент советской разведки на Ближнем Востоке был арестован и в ноябре 1929 года расстрелян. По воспоминаниям Агабекова Блюмкин принял смерть достойно, как положено мужчине. Отбросив повязку с глаз, он сам скомандовал красноармейцам: "По революции, пли!".

Нужно было срочно найти замену расстрелянному главе агентуры в Константинополе и руководство ОГПУ направляет туда Агабекова.

27 октября 1929 года с прибывшего в Стамбул парохода "Чичерин" спустился персидский купец Нерсес Овсепян. Под этим именем скрывался резидент советской разведки Георгий Агабеков.

Благодаря происхождению и легальная, и разведывательная деятельность Агабекова в огромной мере была основана на связи с армянской диаспорой. Поддержка и помощь земляков играли значительную роль для активной агентурной работы. Подобно герою Стивенсона – доктору Джекилу и мистеру Хайду – советский разведчик жил двойной жизнью. Богатый хозяин экспортно-импортной фирмы Овсепян успешно вёл свой бизнес, заключал контракты с торговыми компаниями Европы и Азии. А резидент Агабеков не менее успешно осуществлял разведывательную деятельность. Казалось, всё идёт отлично, на Лубянке были более чем удовлетворены работой Георгия Сергеевича, как вдруг 19 июня 1930 года Агабеков тайно покидает Турцию и бежит во Францию, тем самым становясь предателем-перебежчиком.

Что предшествовало этому? Какие причины побудили успешного советского разведчика стать изменником? Сам Агабеков утверждал впоследствии, что совершил этот шаг по политическим соображениям. Якобы для него стала ясна антинародная сталинская политика. Позвольте ему не поверить. Причина гораздо банальней - как говорят французы - ищите женщину.

Вот история этой страстной любви.

Через несколько дней после прибытия в Стамбул, Овсепян-Агабеков дает объявление в газете «Вечерний Стамбул»: «Ищу преподавателя английского языка, желательно с оксфордским произношением». Через несколько дней он получает письмо, в котором, некая Изабель Стриттер, назначает ему встречу в парке отеля «Саммер Палас». Придя в условленное время на встречу, он увидел девушку поразительной красоты и ... влюбился сразу. Такого с прожжённым 34-летним советским шпионом ещё не случилось.

Он тут же согласился брать у неё уроки.

Двадцатилетняя Изабель была из строгой английской семьи и работала машинисткой в представительстве Великобритании.

Несмотря на то, что ученик не слишком понравился отцу Изабель (немилость смягчило только наличие у Агабекова успешной торговой компании), занятия начались. Правда, проходили они в доме Стриттеров, но это не помешало возникнуть взаимному чувству между учеником и наставницей. Они начали видеться не только на занятиях, и вскоре стали любовниками.

Узнав об этом, отец Изабель пришел в бешенство и запретил дочери встречаться “с этим разбойным типом”, грозя запереть её на ключ. Угроза ни к чему не привела, и родители отправляют дочь в Париж, где жила семья её старшей сестры Джойс.

Для Агабекова это был удар, а тут ещё пришла шифровка из Москвы с требованием срочно явиться в Центр. И Георгий принимает решение стать перебежчиком. Вот отрывок из его воспоминаний:

«Я решил порвать с ГПУ. Но как?

Я знал по опыту, что в случае малейшего подозрения ГПУ постарается меня немедленно уничтожить. Нужно было все основательно обдумать. И я стал готовить свой отход. Первым делом я засел записывать все деяния ГПУ и его агентуры, известные мне, на случай, если я погибну раньше, чем сумею сказать свое слово. Затем я стал осторожно выяснять, в какую страну могу выехать, где бы мне не могли угрожать большевистские агенты».

И он приходит в британское посольство и предлагает свои услуги. Черта была перейдена. Англичане думали долго, всё никак не могли поверить, что в сети к ним приплыла столь “крупная рыба”. Наконец в мае на него вышел сотрудник миссии и предложил подробно написать о деятельности Агабекова как агента ГПУ. Агабеков выполнил требование и передал сведения, написав в конце: «По причинам личного характера не намерен возвращаться в Россию. Обращаюсь к вам и снова подтверждаю, что готов выехать в Лондон или в любое другое место, которое вы установите для окончательных переговоров. Если же, в конечном счете, выяснится, что вы не заинтересованы в моих услугах, я буду просить оплатить мне только расходы по переезду. Н. Овсепян».

Больше Агабекова ничего не связывало с Москвой, и он, сев на пароход «Тадла», шедший в Марсель, плывёт во Францию. В Париже, сгорая от нетерпения, его ждёт любимая женщина.

Французская спецслужба, очевидно, была уведомлена о перебежчике английскими коллегами, поскольку через некоторое время Агабекова приглашают к главе Французской контрразведки комиссару Фо Па Биде. Здесь Георгию Сергеевичу было заявлено, что у французов есть полное досье на советского агента, где досконально представлены сведения о его работе в Афганистане, Персии и Турции. Что французскую контрразведку интересует только имена и местонахождение советской агентуры. Агабеков выходит из здания на бульваре Мортье совершенно обескураженным. А через несколько дней на его имя в отель “Англетер” был доставлен пакет, в котором находилось уведомление о том, что виза гражданину Овсепяну аннулирована по причине протеста советской стороны и ему предложено в 3-х дневный срок покинуть Францию. В пакете также находилась записка, в которой некий доброжелатель советовал ехать в Бельгию, не поддерживавшей с Советской Россией дипломатических отношений. Думаем, это была игра западных спецслужб с целью поставить Агабекова в безвыходное положение для большей сговорчивости.

В Брюсселе Агабеков пробыл недолго. Он решает пойти ва-банк и обратиться к прессе, для чего в конце августа 1930 года, тайно возвратившись в Париж, даёт интервью солидной американской газете «Чикаго трибюн». Уж там он постарался представить себя как крупнейшего агента Советского Союза, которого французы под давлением Кремля выдворили из страны. Прибегая к шантажу, он заявил, что,

если к нему не отнесутся должным образом, он будет последним перебежчиком из СССР, поскольку ни один из его коллег на Лубянке не рискнёт этого сделать.

Возвратившись в Брюссель, Агабеков сразу получил вызов в бельгийскую секретную службу, где его ждал человек в мундире французского офицера, представившийся капитаном Дени. Разговор шёл на французском языке, однако по едва уловимому акценту Агабеков сразу понял: перед ним англичанин. Начался торг.

- Что вы можете нам предложить, и что хотите взамен? - спросил офицер и в ответ услышал, что деньги не играют решающей роли, единственное условие – сочетание законным браком с мисс Изабель Стриттер.

А взамен - что ж предать наполовину нельзя - Агабеков готов подробно описать структуру агентурной сети ОГПУ на ближнем Востоке, а также выдать имена и явки сотен агентов в Персии, Афганистане, Турции и других странах.

Капитан Дени, оказавшийся на самом деле английским вице-консулом и одновременно резидентом английской МИ-6, заверил, что вопрос с мисс Стриттер будет решён в самое ближайшее время. В ответ Агабеков заявил: как только Изабель окажется рядом с ним он в знак доверия откроет имя “крота” в британском МИДе.

4 ноября Изабель сходит с поезда на Центральном вокзале Брюсселя, где её, с огромным букетом цветов встречает счастливый Агабеков. А на другой день в префектуре был зарегистрирован брак Георгия и Изабель, и молодожены отправляются проводить медовый месяц в немецкий курортный город Баден-Баден.

Свою часть договора Агабеков выполнил. Для советской разведки последствия были тяжелейшими и практически невосполнимыми. В Персии было арестовано свыше 400 человек, связанных с советскими спецслужбами. Четверо из них приговорены к смертной казни, другие к длительным срокам тюремного заключения. Сотрудничество СССР и Ирана было свёрнуто. Агабеков сдал всю известную ему агентурную сеть не только в Иране, но на всем Ближнем Востоке и в Центральной Азии.

Вскоре на Западе выходят в свет книги Агабекова, разоблачающие методы советских спецслужб, и автор становится для ОГПУ врагом №1.

Для советской разведки, впрочем, как и для остальных разведок мира, существовало непреложное правило – предатель должен быть уничтожен. Под личным контролем Сталина началась операция «Филомена». Однажды вечером в квартиру четы Агабековых явился визитёр. Представившись как Альберт Стопфорд, он заявил, что пришёл к Георгию по рекомендации мужа сестры Изабель, Чарльза Ли, дипломата и лейтенанта английского королевского флота, с деловым предложением. Оно заключалось в следующем. Жена и дочь русского эмигранта Нестора Филии остались в России, в городе Николаеве. Для выезда в Европу им необходимо получить заграничные паспорта. Главное, что у жены эмигранта в швейцарском банке лежат 400 миллионов франков и есть возможность получить крупные комиссионные.

Подумав, Агабеков предложил следующее: нужно зафрахтовать небольшое судно и вывезти женщин морем из Одессы. Стопфорд предложение обещал рассмотреть и посулил Агабекову солидный аванс за участие в этой операции. Чувство опасности на этот раз изменило Георгию - ловушки не почувствовал.

В январе 1932 года Агабеков отправляется в Констанцу – румынский порт на Чёрном море. Цель приезда – проверить судно «Елена Филомена», зафрахтованное для вывоза беглянок из Советского Союза. Остановился в пансионе. Вечером незаметно подошёл к причалу, где был пришвартован корабль. По судовым документам, которые успел посмотреть Георгий, команда состояла из греков и французов. Подойдя ближе, он расслышал фразу на русском: «Когда птичка угодит в сеть?».

Агабеков всё понял. Вернувшись в пансион, быстро собрал вещи, открыл дверь, и тут прозвучал выстрел. Пуля, просвистев над головой, застряла в стене. Полиция, действовавшая достаточно расторопно, успела схватить стрелявшего и втащила его в холл пансиона. Агабеков узнал его – это был молодой чекист Алексеев, он помнил его по Москве. Из кармана Алексеева достали документ на имя

Агабеков в 30-е годы

Аристотеля Папастериадиса, матроса торгового судна «Елена Филомена». На следующий день команду зафрахтованного судна арестовала румынская полиция. Операция «Филомена» провалилась. Сталин был в ярости.

После фиаско ГПУ прошло два с половиной года. Западные разведки, выжав из Агабекова всё возможное, перестали им интересоваться. Деньги на счету таяли, что сказывалось на отношениях с молодой женой, привыкшей к совершенно другой жизни. В семье наступил кризис, и однажды, вернувшись вечером домой, Георгий не увидел своей жены. На столе лежала коротенькая записка: «Уехала в Англию, к родителям».

Чтобы вернуть жену, которую он продолжал страстно любить, нужны были деньги, много денег. Агабеков теряет рассудок, а с ним и осторожность. Он уезжает в Голландию, где на него сразу выходят русские эмигранты. Некий Зелинский назначает ему встречу в кафе. Представившись капитан-лейтенантом морской службы, он делает Агабекову заманчивое предложение. В Испании бушевала война и испанским республиканцам, воюющим против Франко, нужны средства для покупки оружия. Деньги для приобретения танков и самолётов добывались с помощью контрабанды. Всё, что было награблено в период кровавой междоусобицы в музеях, богатых усадьбах и церквях, тайными тропами доставлялось во Францию и превращалось в валюту. Агабекову предлагалось стать одним из звеньев этой цепочки. Соблазн был велик: для начала ему перепадет 15 процентов от начальной стоимости товара, плюс еще 15 процентов ему выдадут после получения товара представителем РОВС (Российский общевоинский союз).

Звериная интуиция разведчика на этот раз изменила Агабекову. Мечта о скорой встрече с Изабель затмила разум, и он соглашается на опасное дело.

Георгия заманивают на явочную квартиру - якобы для получения инструкций и маршрута, по которому должна пройти контрабандная партия драгоценностей. В номере его ждали двое. Едва войдя и взглянув на ожидавших его людей, он понял, что угодил в ловушку. В одном из них узнал своего агента, завербованного в Стамбуле. Он и вогнал нож в сердце предателя. Затем тело убитого затолкали в чемодан, и, дождавшись ночи, выбросили в реку.

Фельдбин (генерал Орлов)

Через несколько часов Сталин, читая донесения, подчеркнул короткую фразу в одном из них: «Ивану Васильевичу. Предатель Агабеков ликвидирован близ города По. Генерал Орлов».

Ещё через час из шифровального отдела НКВД уходит депеша: «Лично, генералу Орлову. Подтвердите убийство этой мрази. Иван Васильевич».

Ответ не заставил себя ждать: «Подтверждаю. Сам видел и участвовал в операции. Генерал Орлов».

Любопытны судьбы участников этой операции. Агент НКВД Зелинский был президентом «Брюссельского синдиката» - организации созданной чекистами по реализации тех самых ценностей, которые контрабандными тропами текли из Испании.

В 1938 году Зелинский, прихватив деньги, заработанные контрабандой и находящиеся на подставных счетах НКВД, убежал в Америку.

В 1947 году он погиб в железнодорожной катастрофе. Думаю, не случайно.

Другой участник - «генерал Орлов» - это Лейба Фельдбин. В июле 1938 года он получает приказ выехать в Амстердам, где на борту советского судна должен был получить от связника новые инструкции. Видимо, заподозрив неладное Орлов, прихватив деньги из оперативных средств, бежит в Канаду, Судьба его сложилась более благополучно. Он дожил до старости и в 1973 году скончался в возрасте 77 лет в кливлендской больнице.

Агабеков исчез бесславно и бесследно - тело его не было найдено.

Назир Тюрякулов. Триумф и трагедия дипломата

16 ноября 1927 года на стол Генеральному секретарю ЦК ВКП(б) Сталину легла служебная записка, в которой говорилось:

“Уважаемый Товарищ,

Прошло больше года с тех пор, как т. Чичериным был возбужден перед Центральным Комитетом вопрос о назначении нового Полпреда в Геджас, вместо т. Хакимова, который, проработав в тяжелых климатических условиях Геджаса около 3-х лет, поднял вопрос о своем отозвании из Геджаса. Коллегия НКВД наметила в Геджас кандидатуру тов. Тюрякулова, являющегося одним из крупных знатоков мусульманского мира и мирозерцания и вполне приспособленного к проведению той сложной и тонкой политики, которая требуется от наших представителей в Геджасе. Тов. Тюрякулов сам неоднократно выражал свое желание принять этот пост, который дает возможность обозревать весь мусульманский мир от Марокко до Индонезии. К сожалению, оформление этого вопроса крайне затянулось и только недавно Учраспред ЦК сообщил нам, что не представляется возможным освободить тов. Тюрякулова от той работы, которую он ведет в Москве. В ожидании разрешения вопроса о тов. Тюрякулове, нам пришлось задержать тов. Хакимова в Геджасе еще на несколько месяцев. Учитывая, однако, состояние здоровья тов. Хакимова, нам пришлось согласиться на предоставление ему отпуска для лечения, и с июля этого года мы фактически лишены руководящего работника в нашем Представительстве в Геджасе. Временно заменяющий Полпреда Секретарь Представительства тов. Туйметов не в состоянии справиться с той сложнейшей работой, которая, в настоящей обстановке английского нажима, падает на долю нашего единственного Представительства на Арабском Востоке. Несмотря на все наши усилия, мы до сего времени не смогли оформить в ЦК выделение руководящего работника для Геджаса. Предложенный Учраспредом тов. Умар Алиев, работающий на Северном Кавказе, несмотря на техническую подготовленность (он хорошо знает арабский язык) едва ли сможет справиться с работой, которая требует предварительного и более глубокого знакомства с вопросами междумусульманских отношений и английской политики на Востоке. Затруднительность положения заключается в том, что мы имеем в Геджасе целый ряд вопросов, требующих быстрого и неотложного разрешения. Благодаря этому мы не можем назначить в Геджас товарища, которому, как это имеет место в отношении тов. Алиева, нужно было бы длительно изучать положение на месте прежде чем приступить к практической работе. К тому же обстановка повсюду на Востоке и, в особенности, в Аравии такова, что возможны всякого рода неожиданности и провокации, которые могут поставить в тупик и более подготовленных работников, чем тов. Алиев.

Поскольку всякого рода неудачи и ляпсусы в Геджасе неизбежно самым отрицательным образом будут отражаться на нашей восточной политике и влиять в смысле повышения престижа наших антагонистов, Наркоминдел просит Вас уделить этому вопросу внимание. Наиболее целесообразным выходом из создавшегося положения было бы срочное оформление кандидатуры тов. Тюрякулова с тем, чтобы последний без замедления мог выехать в Геджас.

Последние сообщения из Геджаса говорят о том, что отсутствие руководящего работника в нашем Полпредстве отрицательно отзываясь на нашем положении в Геджасе. Одновременно мы замечаем усиление английского нажима в Геджасе, что значительно усложняет работу нашего Полпредства и может привести к нежелательным неожиданностям. Все это говорит за необходимость скорейшего разрешения вопроса о новом Полпреде для Геджаса.

ЗАМНАРКОМИНДЕЛ /Карахан/»

О судьбе выдающегося советского дипломата Карима Хакимова, мы рассказали в первой повести. Назир Тюрякулов сменивший Хакимова на посту главы дипломатического представительства СССР в Аравии, блистательно продолжил дело укрепления позиций Советского государства на Ближнем Востоке. Сталин прочитав записку Карахана согласился с предложением Наркоминдела и 15 декабря 1927 года Постановлением Президиума ЦИК СССР Назир Тюрякулович Тюрякулов назначается полпредом Советского Союза в Геджасе – так тогда называлась Саудовская Аравия.

Вот об этом выдающемся государственном деятеле, дипломате, публицисте, филологе и пойдёт речь в этом очерке.

В октябре 1892 года в Коканде, в семье крупного хлопкового концессионера Тюрякулова родился мальчик, которого назвали Назир. Имя это в переводе с арабского имеет несколько значений – дальновидный, наблюдатель, очевидец. Назирами также называли министров при восточных правителях. Существует расхожая теория о том, что имя, данное при рождении, влияет на дальнейшую судьбу человека. Не уверен, что теория эта верна, но в случае с героем этого очерка оправдалась полностью. В собственности семьи Тюрякуловых находилось восемь гектаров земли, засеваемой хлопчатником и несколько домов сдаваемых в аренду. Отец будущего дипломата, был человеком достаточно образованным для своего времени. Он читал русские книги, выписывал русские газеты и кроме торговой деятельности занимался своеобразной юридической практикой: составлял для местного населения иски в суды, различные прошения и письма в государственные органы Российской империи.

Мать Назира, уроженка Сырдарьинской области, отличалась глубокой набожностью. Именно от неё, как вспоминал впоследствии Тюрякулов, он получил «весьма и весьма» религиозное образование. Когда мальчику исполнилось восемь лет, по настоянию матери он был определён в религиозную кокандскую школу - мектеб «Джадид», где преподавали арабский язык, основы ислама и житие исламских пророков. Из светских предметов изучалась только география. А в двенадцатилетнем возрасте над мальчиком был совершён обряд зачисления в духовный патронат «известного в мусульманском мире святого Бехоуддина». Ритуал был проведён шейхами на могиле святого в старой Бухаре.

В мектебе Назир проучился два года. Отец, тяготеющий более к светской культуре и мечтающий, чтобы сын продолжил семейное дело отдаёт его в русско – туземную школу. В 1905 году, опять же по желанию отца, Назир поступает в основанное местными русскими купцами Кокандское коммерческое училище, которое спустя восемь лет успешно оканчивает.

Полученных в училище знаний юноше, очевидно, было недостаточно и в 1913 году он уезжает в Москву и поступает на экономический факультет Коммерческого института (впоследствии институт им. Плеханова). Здесь он не только постигает науку коммерции, но усиленно занимается изучением иностранных языков. Прекрасно владея узбекским, турецким и арабским языками он, вскоре, добавляет к ним немецкий и французский.

Доучиться в институте до конца юноше не пришлось. Российская империя содрогалась в конвульсиях Первой мировой войны, непрерывно поглощая людские ресурсы на фронте и в тылу. В 1916 году выходит указ о привлечении «инородцев» к тыловым работам в прифронтовых районах и Тюрякулов, горя желанием помочь землякам, поступает на службу в комитет Земсоюза Западного фронта Минского района и района Барановичей в качестве инструктора. Ещё учась в Кокандском училище Назир увлёкся революционными идеями, принесёнными на окраину Империи ветром Первой русской рево-

люции. В Белорусии мировоззрение юноши ещё более радикализируется и в Минске он создает тайную организацию — общество «Еркин дала» («Вольная степь»), объединявшее выходцев из Туркестана.

После Февральской революции рабочие-тыловики стали возвращаться в Туркестан, собирается на родину и Тюрякулов. Однако в родной Коканд он попадает не сразу, задержавшись в Оренбурге, где активно участвует в революционных событиях, редактируя областную газету.

Уж не здесь ли он познакомился с Хакимовым, который в то время также работал в Оренбурге? Здесь Тюрякулов вступает в партию левых эсеров, взгляды которых были ему близки. После октябрьских событий, Назир решает как можно быстрее вернуться в Ферганскую долину, чтобы участвовать в становлении новой власти на своей родине.

В Коканд он прибывает как раз в то время, когда там образовалась так называемая “Кокандская автономия”.

Правительство этой недолго просуществовавшей республики возглавлял известный политический деятель Мустафа Чокай, идеолог борьбы за суверенный Туркестан. Большевицкая власть в Ташкенте, конечно не могла мириться с появлением независимого образования в стране и после того как Чокай отверг ультиматум Центра в Ферганскую долину было отправлено 11 эшелонов с войсками и артиллерией под командованием Константина Осипова. Того самого Осипова который впоследствии возглавил мятеж в Ташкенте. Одновременно с наступлением красных отрядов в Коканде вспыхнуло восстание организованное большевиками. В рядах восставших был и Назир Тюрякулов. После недолгого сопротивления Кокандская автономия пала, а руководство её во главе с Мустафой Чокаем бежало за границу.

С этого момента, собственно, и начинается стремительное восхождение Тюрякулова по карьерной лестнице.

После установления советской власти в долине он работает секретарем Совета рабочих, солдатских и мусульманских депутатов и одновременно комиссаром просвещения и заведующим Отделом народного образования в Коканде. Здесь он близко знакомится с Ефимом Андреевичем Бабушкиным (будущим консулом СССР в Персии), возглавлявшим Кокандский Совдеп и под его влиянием в октябре 1918 года становится членом партии большевиков. В период работы в Коканде ярко проявляется ещё один талант Тюрякулова - талант журналиста и публициста. Он принимает активное участие в создании новых газетных изданий, таких как «Халк газетаси» («Народная газета»), в дальнейшем, работая в Ташкенте, Тюрякулов организует выпуск первого номера органа ЦК Компартии Туркестана — журнала «Инкилоб» («Революция»).

С началом гражданской войны и возникновением повстанческого движения Назир уходит добровольцем в Красную армию и назначается начальником политуправления Конной армии в Туркестане. И здесь, наверняка он вновь пересекается с Хакимовым. Будто сама судьба вела их параллельными дорогами.

Вскоре Тюрякулов избирается в состав Облревкома и вплотную начинает заниматься вопросами борьбы с басмачеством в Ферганской долине. К басмачам у него личный счёт – от их рук погиб его отец. Назир лично объезжает кишлаки и ведёт разъяснительную работу с местными жителями. Кроме этого пытается вести переговоры с лидерами повстанцев о прекращении борьбы с советской властью. “Выдающийся самородок” – такую характеристику дал Тюрякулову Валериан Куйбышев.

В июне 1920 года Тюрякулов уже секретарь ЦК КП Туркестана, а спустя год, после очередного съезда Советов избирается председателем Туркестанского Центрального Исполнительного Комитета, став в 28 лет руководителем Туркестанской Советской Республики.

Н.Тюракулов на мирных переговорах с лидерами басмачей.

На посту руководителя республики Тюрякулов пробыл недолго – до октября 1922 года. Но за это короткое время он проявил себя настоящим лидером и умелым администратором.

Для восстановления сельского хозяйства, прежде всего хлопководства, изрядно пострадавшего во время смуты, создаётся сельскохозяйственный банк и сеть мелких кредитных товариществ. Под руководством Председателя ЦИКа разрабатывается новая хозяйственная программа, в основе которой принцип приближения производства товаров к источникам сырья, создание текстильной и маслостроительной промышленности.

Несмотря на чрезвычайную нагрузку, Назир по-прежнему занимается самообразованием: читает философскую и историческую литературу, русских и европейских писателей и мыслителей. И, конечно, в этот период Тюрякулов активно занимается тем, что он любил более всего – просветительской деятельностью. При его непосредственном участии появляются новые газеты - «Хакикат» («Истина»), «Вестник просвещения и коммунистической культуры», «Билим очагы» («Очаг знания»), «Туркмен ели» («Туркменский народ») и другие. Под его редакцией выходит «Социально-политический словарь русско-узбекского языка», изданный в 1922 году в Ташкенте.

В подшивках узбекских газет и журналов, изданных в 20-е годы можно найти не только его публицистические статьи, но и стихи опубликованные под псевдонимом “Дервиш”. И ещё одним талантом обладал Назир Тюрякулов – талантом художника. Сохранилось несколько его карандашных рисунков.

Карандашные рисунки Назира Тюрякулова.

И этот яркий, энергичный, молодой, харизматичный деятель не мог быть не замечен руководством страны – в октябре 1922 года его переводят в Москву на должность председателя правления Центрального издательства народов Востока (Центроиздат) при ЦИК СССР. Тюрякулов отлично понимал значение своей новой работы и всю энергию и талант издателя, редактора, просветителя, публициста, учёного-лингвиста – он ещё заместитель ректора Института народов Востока – отдаёт развитию культур разных народов в многонациональном государстве.

На юбилейном заседании, посвященном пятилетию Центроиздата в июне 1928 года, его председатель с чувством гордости отмечал: «...Центроиздат положил начало приобщению многомиллионных масс

различных национальностей Союза к советской культуре, и за короткий срок своего существования создал базу для книжной продукции, которую совершенно не знают другие страны. За пять лет им выпущено 59 959 713 оттисков учебной, научно-популярной, общественно-политической, художественной, сельскохозяйственной и другой литературы на языках свыше 50 национальностей. Наряду с созданием, укреплением и развитием неперiodической печати, Центроиздат уделяет серьезное внимание вопросам создания, улучшения и распространения национальной периодики. Достаточно сказать, что в настоящее время им издается 21 периодическое издание на 12 языках”.

Как я уже упомянул, возглавляя Центроиздат, Тюракулов параллельно вел преподавательскую работу в Институте народов Востока и, кроме всего прочего, был включён в резерв Наркоминдела. И когда возникла необходимость срочно заменить Карима Хакимова на посту полпреда в Аравии, лучшей кандидатуры, чем Назир Тюракулов не нашлось.

В октябре 1928 года новый посол СССР вместе с супругой прибывает в Мекку, где вручает верительные грамоты принцу Фейсалу, сыну короля Абдель Азиза аль-Сауда.

Предшественником Назира, Каримом Хакимовым была проделана большая работа по налаживанию хороших отношений с королевским двором и местной знатью, как говорится почва была подготовлена, поэтому Тюракулов довольно быстро освоился на новом для себя поприще. Советский дипломат сразу же вызвал неподдельный интерес со стороны дипломатического корпуса и, конечно, различных спецслужб, работающих в Аравии. Одним из таких “рыцарей плаща и кинжала” был Гарри Сент-Джон Бриджер Филби - отец будущего советского шпиона Кима Филби.

Шейх Абдалла (Джон Филби)

Джон Филби был востоковед по профессии и разведчиком по призванию. Его смело можно назвать “крестным отцом” Саудовской Аравии. Приняв ислам и новое имя - Шейх Абдалла, он стал ближайшим и важнейшим советником короля Абд аль-Азиза.

«Интересная и хитрая личность» - так Тюракулов характеризует Филби в донесении в Москву. Молодой посол – ему только 36 лет – очень быстро завоёвывает авторитет и уважение у дипломатов, аккредитованных при дворе короля и, в 1930 году, становится дуайеном (главой) дипломатического корпуса в Джидде. Вот, что он пишет об этом Наркому иностранных дел Литвинову:

«Исторический спор с англичанами из-за старшинства в дипкорпусе считается законченным в нашу пользу... На официальных торжествах я занимаю первое место, а Риан — второе, французский поверенный в делах — м-сье Мегре — третье, Айноль-Мольк — четвёртое. Отмечу, что Риан держится по отношению ко мне весьма корректно, обращаясь ко мне в некоторых случаях как к старшине».

Принц Фейсал с аккредитованными дипломатами. По левую руку Н. Тюрякулов

Восемь лет проработал Тюрякулов в должности полномочного представителя Советского Союза в Саудовской Аравии. На этом посту им было совершенно немало славных дел. Расскажу лишь о некоторых.

Советским представителем была подготовлена и реализована так называемая «бензиновая сделка» – первый контракт на поставку в Саудовскую Аравию 100 тысяч «ящиков» нефтепродуктов. В этом, как сейчас бы сказали «тендере», Советский Нефтесиндикат выиграл и у англичан, и у американцев, и у голландцев.

Эра автомобилизма пришла и на Ближний Восток. Молодое государство Саудитов остро нуждалась в бензине и керосине (как ни странно это не звучит сегодня). Сделке с Советским Союзом, король придавал настолько серьёзное значение, что когда пришло сообщение о пересечении Суэцкого канала судов везущих бензин из СССР, министр финансов королевства Сулейман лично отправился в порт провожать Тюрякулова в отпуск.

Ещё одно благое дело, имеющее огромное политическое значение, создание при посольстве клиники, обслуживающей также и местное население, которое страдало от малярии, трахомы, детских и женских болезней. Активное участие в этом благородном деле приняла супруга посла, Нина Александровна Салмина-Тюрякулова - врач по профессии.

То, что в клинике работала женщина–врач, имело особое значение, поскольку в мусульманской стране не каждый муж согласится на то, чтобы его женщин осматривали медики-мужчины. Нина Александровна принимала 15–20 больных женщин и детей в день. Уже через короткое время авторитет её, как среди знати, так и среди простого люда вырос неимоверно.

При полпредстве был открыт также и стоматологический кабинет, где работал прибывший в Джидду в 1932 году дантист Мерзон. "Без шума и крика, - писал Тюрякулов в Москву, - он "побил" сирийцев и местных зубодеров..."

В клинике работали выдающиеся врачи того времени приехавшие из Советского Союза, в частности, учёный с мировым именем, бактериолог Шабсай Давыдович Машковский, вылечивший от малярии принца Фейсала.

Единственное, что не удалось сделать ни Тюрякулову, ни Хакимову добиться подписания Договора о дружбе и сотрудничестве между Советским Союзом и Королевством Саудовская Аравия. Препоной послужил пункт о паломниках из СССР. Король настаивал, чтобы 1000 советских мусульман ежегодно могли совершать хадж в Мекку. Москва, несмотря на рекомендации как Тюрякулова, так и Хакимова, на это не шла. В результате договор, так и не был подписан.

В 1936 году происходит обратная рокировка – Тюрякулова отзывают в Москву, а полпредом в Аравии вновь становится Карим Хакимов. Тюрякулов же переходит на работу в Московский институт языка и письменности народов Востока.

Там он проработал около года, а затем, 15 июля 1937 года, был арестован по обвинению в шпионаже в пользу Турции и 3 октября 1937 года расстрелян по приговору Военной коллегии Верховного Суда СССР.

Тюрякулов в тюрьме НКВД

Нина Александровна также была репрессирована как жена врага народа и погибла в акмолинском лагере.

Через три месяца после гибели Тюрякулова, в январе 1938 года, был расстрелян и Карим Хакимов. Потрясённый трагическими вестями из СССР, король Абдул Азиза Аль Сауд дал понять советскому руководству, что других полпредов в своей стране он видеть не хочет. Дипломатические отношения между двумя странами были разорваны вплоть до 1990 года.

Единственная дочь Тюрякулова Анель, к счастью уцелела и прожила долгую и достойную жизнь. Дочь врага народа, она все же получила образование. Сорок лет проработала в закрытом учреждении, пройдя путь от лаборанта до главного инженера в НИИ авиационных материалов. Её именем назван самый большой в Европе подъемный кран. Скончалась Анель Назировна Тюрякулова-Кокошвили в 2003 году.

Назир Тюрякулов с дочерью

На этом, можно было бы и закончить рассказ, но неожиданно возникло обстоятельство, которое заставляет меня поделиться некоторыми мыслями. После публикации очерка в газете появился комментарий читательницы, которую я безмерно уважаю. Приведу его полностью.

“Спасибо за статью. Увидела лицо того, кто подписал расстрельный приговор брату моей бабушки и Афине Мандалака, матери маленьких детей, не имевшей никакого отношения к политике, и еще более 15 человек приговорил в один день, одним росчерком пера. Бог ему судья!”

Я в таких случаях всегда вспоминаю строчки Роберта Рождественского:

Какое это чудо человек.

Какая это мерзость человек.

Абсолютные злодеи и абсолютные праведники существуют только в голливудских фильмах. В человеке всегда, только в разных пропорциях, живут и ангелы, и бесы. Я не хочу оправдывать Тюрякулова, в его обязанности руководителя республики входило и это – утверждать смертные приговоры. Вероятно, он скрепил своей подписью не только тот, о котором упоминает читательница, думаю, их было много - такое было время. И в этой связи хочу вспомнить Никиту Сергеевича Хрущёва, у которого руки были по локоть в крови несправедно казнённых. Но он совершил три великих деяния – освободил из лагерей миллионы невинных, вернул паспорта крестьянам, отменив тем самым второе крепостное право, и, третье, инициировал массовое жилищное строительство. Сколько людей, благодаря этому, переехало из бараков в благоустроенные квартиры. И памятник ему на Новодевичьем, созданный великим Эрнстом Неизвестным (которого Никита Сергеевич гнобил в своё время), представляет собой композицию из чёрного и белого мрамора. Тем самым скульптор хотел показать всю неоднозначность и противоречивость фигуры Хрущёва.

Кто знает, может быть в свой последний день, стоя во дворе тюрьмы под прицелом палачей, Назир Тюрякулов вспомнил те списки приговорённых к смерти, которые он когда-то подписывал. Кто знает.